

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.Н. Жукович

Христианское исповедание
Кафолической веры, изданное от
имени петровского синода 1551 года

Опубликовано:
Христианское чтение. 1885. № 7-8. С. 50-81.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Христіанское исповѣданіе католической вѣры, изданное отъ имени петроковскаго синода 1551 года.

(Очеркъ изъ исторіи католическаго богословія въ Польшѣ).

(Продолженіе).

II.

Критика протестантскаго ученія о свящ. Писаніи и преданіи.—Признаки истинной церкви.—Вселенскій соборъ.—Отношеніе Польши къ первымъ двумъ сессіямъ тридентскаго собора.—Опроверженіе протестантскихъ воззрѣній на составъ вселенскаго собора, участіе въ немъ государственной власти и пр. Положеніе въ Польшѣ вопроса о національномъ соборѣ и отношеніе къ нему «исповѣданія». Приматство Петра и главенство папы.

„Христіанское исповѣданіе католической вѣры“ открывається провозглашеніемъ той основной истины, что сущность христіанства составляетъ вѣра въ совершенное Сыномъ Божиимъ спасеніе человѣчества. Не довольствуясь одною письменною и устною проповѣдью объ Искушитель, церковь всегда употребляла и всѣ другія средства къ тому, чтобы какъ можно тверже запечатлѣть въ умахъ и сердцахъ людей вѣру въ великое дѣло искупленія: она установила цѣлый рядъ праздниковъ въ воспоминаніе важнѣйшихъ моментовъ этого дѣла, ввела въ употребленіе такіе обряды, священнодѣйствія, изображенія, которыя непосредственно, безъ словъ говорятъ сердцу самаго простаго человѣка объ Искушитель и совершенномъ Имъ спасеніи рода человѣческаго. И однакоже находятся безстыдники, осмѣливающіеся клеветать на свою мать церковь, будто уже четыреста, и даже болѣе, лѣтъ какъ она не знаетъ и не проповѣ-

¹⁾ См. предыдущую кн. «Христ. Чтенія.»

дуть Христа Испытателя, будто только въ послѣдніе тридцать лѣтъ вновь возсіялъ на землѣ свѣтъ Евангелія (гл. 1—13).

Но одной вѣры въ совершенное Христомъ искупленіе недостаточно для нашего спасенія; нужна еще вѣра въ святую католическую церковь, и при томъ вѣра не только въ существованіе церкви, но и въ то, что внѣ церкви, какъ нѣкогда внѣ ковчега Ноева, нѣтъ спасенія. Нужно вѣровать во все, что содержится въ принятыхъ церковію каноническихъ писаніяхъ, а также во всегдашнее руководительство Св. Духа церковію и происходящую отъ этого непогрѣшимость ея. О божественныхъ предметахъ должно мыслить такъ, какъ мыслить церковь, а въ человѣческихъ дѣлахъ поступать такъ, какъ она намъ предписываетъ. Лучше вѣровать въ то, во что вѣруетъ церковь, совсѣмъ даже его не понимая, чѣмъ хотя въ чемъ нибудь отступить отъ ученія церкви. Всѣ ереси и расколы, какіе только были и теперь есть на землѣ, происходили и происходят оттого, что люди болѣе довѣряли своему частному мнѣнію, чѣмъ общему голосу католической церкви (гл. 14, стр. 15—16).

Католическій принципъ безусловнаго авторитета церкви, или — что часто было одно и то же — церковной власти оказался въ эпоху реформаціи въ непримиримомъ противорѣчій съ лежащимъ въ основѣ протестантства началомъ личной свободы человѣка. Какъ самый яготъ принципъ, такъ и весь утверждавшійся на немъ строй католической церкви имѣлъ свои главные основанія, по католическому ученію, въ такъ называемомъ церковномъ преданіи. Противъ этого-го преданія, какъ основнаго фундамента католичества, и направили свои первые удары протестантизмъ, поднявшійся на защиту личной свободы человѣка отъ чрезмѣрнаго давленія на нее церковнаго авторитета. Въ противовѣсъ преданію, за которымъ въ католической церкви иногда какъ бы невидно было другаго основанія истинной церкви — свящ. Писанія, протестантство подняло знамя св. Писанія, какъ единственнаго источника вѣры, и провозгласило принципъ такъ названнаго впоследствии библизма, хотя это знамя и не должно бы было удовлетворить протестантовъ, если бы они захотѣли быть послѣдовательными.

Въ полемикѣ между католиками и протестантами вопросъ о

церковномъ преданіи привлекъ къ себѣ, какъ и слѣдовало ожидать, главныхъ вождей той и другой стороны. Кохлей послѣднюю изъ своихъ четырехъ „филиппикъ“ (1534) на Меланхтона посвятилъ опроверженію протестантскаго ученія о церкви и церковномъ преданіи, насколько оно выразилось въ „аугсбургскомъ исповѣданіи“ и въ Меланктоновой „апологіи“ этого исповѣданія, поданной имп. Карлу V. Еще раньше его (1525) Эккъ первые четыре отдѣла своего опроверженія *Locorum communiū* Меланхтона посвятилъ тѣмъ же вопросамъ. Вмѣстѣ съ опроверженіемъ коренной ошибки протестантства, что чего нѣтъ въ свящ. Писаніи, то по этому уже одному слѣдуетъ отвергнуть, какъ человѣческое измышленіе, — у названныхъ писателей со всею строгостью приводится ученіе о двухъ одинаковой важности источникахъ бож. откровенія—св. Писаніи и св. преданіи и о недостаточности одного Писанія, простирающейся до того, что безъ преданія, на основаніи одного св. Писанія не могутъ быть установлены многіе существенные пункты христіанскаго ученія. Въ частности утверждается, что само св. Писаніе стоитъ и падаетъ вмѣстѣ съ церковнымъ преданіемъ—единственнымъ ручательствомъ его подлинности, что отъ церкви, руководящейся преданіемъ, зависитъ самое опредѣленіе истиннаго смысла Писанія, что церкви принадлежитъ даже „власть надъ писаніями“, власть—вводитъ въ церковную жизнь измѣненія, несогласныя съ тѣми или другими повелѣніями Писанія. Трудami дотридентскихъ католическихъ богослововъ приготовлена была почва для тѣхъ постановленій о св. Писаніи и преданіи, которыя состоялись на первой сессіи тридентскаго собора. Хотя на соборѣ нашлись епископы, говорившіе, что Библия совершенно достаточно для спасенія души и что потому нѣтъ даже и надобности поднимать самый вопросъ о церковномъ преданіи, а другіе отцы собора, болѣе умѣренные, желали признать значеніе только за непосредственно апостольскимъ преданіемъ: большинство признало церковное преданіе во всемъ его объемѣ имѣющимъ такое же значеніе и важность, какъ и Библия. Этимъ постановленіемъ своимъ тридентскій соборъ разрушилъ всякую надежду на соглашеніе съ протестантами и создалъ непроходимую пропасть между старымъ и новымъ ученіемъ.

Приписать преданію безграничное значеніе, это — для протестантов — значило безпрекословно подчиниться всѣмъ опредѣленіямъ прежнихъ соборовъ и папъ, принять безъ оговорокъ все ученіе и весь іерархическій строй, унаслѣдованный церковію отъ среднихъ вѣковъ, отказавшись отъ какихъ бы то ни было существенныхъ преобразованій въ церкви. Тотъ же строго-католическій духъ собора сказался и въ опредѣленіи относительно переводовъ свящ. Писанія. Единственно достовѣрнымъ переводомъ объявленъ былъ латинскій переводъ *Vulgata*, который, по опредѣленію собора, имѣлъ быть изданнымъ въ Римѣ въ исправленномъ видѣ. Кромѣ того подъ угрозою строжайшаго наказанія запрещено было печатать и продавать Библии или религиозныя сочиненія, не получившія одобренія отъ церковной власти. Тридентскій соборъ въ своей правотѣ зашелъ тутъ далѣе, чѣмъ даже римская курія того желала; даже папскіе богословы находили, что это уже чрезчуръ приписывать непогрѣшимость переводу, ошибки котораго всѣмъ извѣстны ¹⁾.

Въ „исповѣданіи“, съ первыхъ же страницъ его, Гозій очень энергично принимается за защиту церковнаго преданія въ духѣ тридентскаго собора. Спорить о томъ, слѣдуетъ ли болѣе вѣрить св. Писанію, или свидѣтельству церкви, говоритъ онъ, такъ же бесполезно, какъ и спорить о томъ, слѣдуетъ ли болѣе вѣрить Св. Духу, говорящему устами церкви, или же Св. Духу, говорящему въ писаніяхъ пророковъ и апостоловъ. Св. Духъ—единственный источникъ истины, тѣмъ ли или другимъ способомъ дарована она церкви. Церковь, продолжаетъ онъ, древнѣе Писанія. Какъ въ Ветхомъ Заветѣ церковь существовала раньше появленія книгъ Моисеевыхъ, такъ и въ Новомъ Заветѣ она начала свое существованіе раньше появленія писаннаго Евангелія. Христосъ и Самъ ничего не написалъ, и ученикамъ своимъ заповѣдалъ не писать, а проповѣдывать Евангеліе всей твари. Въ теченіе цѣлыхъ восьми лѣтъ послѣ вознесенія Господня не было у христіанъ ни одной книги, и однако тогдашняя церковь имѣла

¹⁾ Oncke n, Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen, 78 Abth., p. 82—84.

авторитетъ, и имѣла его конечно не отъ писаннаго, а отъ живаго, т. е. живымъ голосомъ переданнаго Евангелія. Съ того же времени, какъ въ новозавѣтной церкви появились книги, она имѣетъ авторитетъ и отъ Писанія, которое и учитъ, что церковь во всемъ наставляется Духомъ Святымъ, что она — столпъ и утверженіе истины, что даже врата адовы не одолѣють ея. Протестанты, возставшіе будто бы на защиту авторитета Писанія, на дѣлѣ работаютъ скорѣе надъ разрушеніемъ, чѣмъ надъ утвержденіемъ его: разрушая авторитетъ церкви, они этимъ самымъ разрушаютъ авторитетъ св. Писанія, потому что голосъ церкви составляетъ единственное ручательство подлинности Евангелій. Правда, протестанты возражаютъ, что думать такъ объ Евангеліяхъ значитъ вѣрить Евангелію, не какъ внутреннему, чрезъ него говорящему голосу Божію, а какъ свидѣтельству, или преданію человѣческому; но это возраженіе ничего собственно не опровергаетъ: когда католики говорятъ, что они вѣруютъ въ богооткровенность св. Писанія, побуждаемые къ этому авторитетомъ церкви, то они собственно говорятъ то, что Духъ Святой, говорящій устами церкви, научаетъ ихъ признавать написанное Матеемъ голосомъ не человѣка, а говорящаго чрезъ него Бога (гл. 15—16).

Хотя нѣтъ ничего истиннѣе св. Писанія, но и изъ истиннаго Писанія можно извлечь ложный смыслъ, какъ это доказываетъ исторія ересей. Истинный смыслъ Писанія—въ церкви. Въ толкованіи же отдѣльнаго человѣка тѣмъ менѣе достовѣрности, чѣмъ болѣе полагается онъ на свой разумъ и удаляется отъ принятаго церковію толкованія. Напрасно негодуютъ протестанты на то, что католики стараются согласить слово Божіе съ ученіемъ церкви, когда слѣдовало бы наоборотъ ученіе церкви согласовывать съ словомъ Божіимъ. Католики не хотятъ только извращать истинный смыслъ св. Писанія въ угоду разнымъ „Мартинамъ“. Пусть хвастаются эти „Мартины“, сколько имъ угодно, что у нихъ однихъ Духъ Святой и истинное пониманіе Писанія: тѣмъ же вѣдь хвастаются и анабаптисты. Католики знаютъ, что Духъ Святой обѣщанъ и дарованъ церкви, что Онъ всегда ею руководитъ; а при объясненіи свящ. Писанія они познаютъ истинный смыслъ его изъ

сравненія темныхъ мѣстъ Писанія съ болѣе ясными, изъ святоотеческихъ толкованій, изъ древняго преданія церкви. Совсѣмъ также напрасно протестанты указываютъ на то, что святые отцы, какъ и всѣ люди, могли заблуждаться, а нѣкоторые (напр. Кипріанъ, Оригенъ, Тертуліанъ) и дѣйствительно заблуждались: католическая церковь не обязываетъ насъ принимать за истинное всякое частное мнѣніе св. мужа, а лишь то, которое является голосомъ всей церкви, а нѣкоторые изъ святыхъ мужей потому и погрѣшили, что отступили отъ общецерковнаго ученія (гл. 17—19).

Вопросъ о церковномъ преданіи былъ въ то время такимъ серьезнымъ пунктомъ разногласія католиковъ съ протестантами, что Гозій въ концѣ „исповѣданія“ вновь возвращается къ нему (гл. 92). Тутъ между прочимъ, въ отвѣтъ на обвиненіе протестантами католической церкви въ идолопоклонствѣ предъ отцами и учителями церкви, онъ обвиняетъ своихъ противниковъ въ идолопоклонствѣ предъ новыми догматами ихъ собственнаго изобрѣтенія. Онъ находитъ нелѣпой и даже смѣшной въ этомъ случаѣ ссылку протестантовъ на слова пр. Іезекіиля: „не ходите по правиламъ отцовъ вашихъ и не соблюдайте установленій ихъ“ (Іез. XX, 18), точно пророкъ дѣйствительно хотѣлъ этими словами ниспровергнуть благочестивые обычаи предковъ. Вовсе не идетъ къ дѣлу и ссылка ихъ на слова ап. Павла: „кто благовѣствуетъ вамъ не то, что вы приняли, да будетъ анаѣма“ (Гал. I, 9); этими словами апостольство вовсе не хотѣлъ сказать того, что къ проповѣди его ничего нельзя прибавить, а только хотѣлъ предостеречь отъ принятія того, что противно его проповѣди; если же понимать слова ап. Павла по-протестантски, то придется признать, что онъ произнесъ анаѣму на Евангеліе Іоанна, явившееся послѣ посланія его къ галатамъ. Вообще, хотя въ Евангеліи и содержится все необходимое для нашего спасенія, но оно содержится лишь какъ бы въ сѣмени, и гораздо большая часть Евангелія дошла до насъ путемъ преданія. Церковныя постановленія, основанныя на преданіи, вовсе не дѣлаютъ входъ въ царствіе небесное болѣе труднымъ, какъ то думаютъ протестанты, а напротивъ еще облегчаютъ его, такъ какъ единственная цѣль ихъ—благоугожденіе Богу и приобрѣтеніе любви

Божіей. Правда, неисполненіе церковныхъ постановленій навлекаетъ на людей гнѣвъ и наказаніе отъ Бога, но въ этомъ виновны они сами, а не церковная власть, издавшая постановленія. При томъ же предосудительно и влечетъ за собою наказаніе не столько самое неисполненіе церковныхъ постановленій, особенно если оно происходитъ отъ забывчивости или слабости, сколько сознательное и преднамѣренное противленіе церкви. Въ заключеніе Гозій говоритъ, что св. Писаніе сохранилось только въ церкви, и обращается къ своимъ противникамъ съ такими словами: „Писаніе—наше, и вы не можете присвоивать себѣ надъ нимъ никакого права, если не возвратитесь къ намъ и отцамъ нашимъ, отъ которыхъ вы отдѣлились. Перестаньте поэтому говорить: слово Божіе, слово Божіе, Евангеліе, Евангеліе. Не съ словомъ Божиимъ, не съ Евангеліемъ у насъ война, а съ вашими толкованіями и утвержденіями“... (стр. 321).

Хотя Гозій подбираетъ массу разныхъ доказательствъ въ пользу церковнаго преданія, какъ источника вѣры и дисциплины церковной, но въ его „исповѣданіи“, какъ и у предшествовавшихъ ему критиковъ протестантскаго библизма, нѣтъ еще яснаго разоблаченія внутренней несостоятельности протестантскаго принципа, который въ концѣ концовъ на мѣсто непогрѣшимости церкви ставитъ непогрѣшимость частнаго мнѣнія. Въ частности Гозіева критика, очевидно, рассчитана была въ нѣкоторыхъ, но крайней мѣрѣ, своихъ частяхъ не столько на ученыхъ противниковъ католичества въ Польшѣ, сколько на массу польскаго общества, сдѣлавшаго изъ принципа протестантскаго библизма весьма удобное для себя орудіе борьбы съ нежелательнымъ тогда для него строемъ католической церкви въ Польшѣ. Нѣкоторые изъ польскихъ ученыхъ противниковъ католической доктрины шли, или готовы были идти по вопросу о преданіи на извѣстныя уступки. Извѣстный напр. польскій публицистъ того времени Модржевскій охотно соглашался, что относительно тѣхъ предметовъ вѣрученія и церковной дисциплины, которые не опредѣлены ясно въ свящ. Писаніи и не могутъ быть выведены изъ него, всего безопаснѣе слѣдовать обычаямъ и установленіямъ предковъ, хотя впрочемъ тутъ же прибавлялъ, что безусловнаго значенія авторитетъ древности не имѣетъ,

и обыкновеніе, хотя бы и самое древнее, но противное добрымъ правамъ, или вѣрѣ, или Божественному Писанію, должно почитаться заблужденіемъ. Совсѣмъ иначе держало себя въ данномъ случаѣ большинство польскаго общества, особенно въ лицѣ сеймовыхъ его вожаковъ и дѣятелей. Для нихъ принципъ библизма оказался какъ нельзя болѣе на руку въ ихъ борьбѣ съ духовнымъ сословіемъ. Любимою темою сеймовыхъ рѣчей стало несоотвѣтствіе многихъ частныхъ установленій католической церкви и всего строя ея съ „чистымъ“ словомъ Божиимъ; излюбленнымъ ихъ требованіемъ стало реформированіе католической церкви въ Польшѣ на основаніи одного св. Писанія, съ устраненіемъ всѣхъ такъ называвшихся тогда „человѣческихъ измышленій“, какъ не основанныхъ на св. Писаніи. Въ виду этого направленія польскаго общества, „исповѣданіе“ старается дѣйствовать не только на умъ, но и на сердце своихъ читателей: оно то переходитъ въ тонъ проповѣди и увѣщанія не преклоняться предъ ново-измышленными идолами протестантовъ, то обращается къ нимъ съ мольбою держаться освященной пѣльми вѣками истины. Къ польскимъ магнатамъ-панамъ оно обращается съ рѣчью на ихъ языкѣ. Усердствуя надъ разрушеніемъ вѣковаго строя католической церкви, основаннаго на церковномъ преданіи, они — предостерегаетъ оно ихъ — сами роютъ подъ собою яму: какъ станете вы, спрашиваетъ оно, требовать повиновенія себѣ отъ своихъ подданныхъ, когда сами вы даете имъ примѣръ непослушанія тому, кого Самъ Богъ поставилъ надъ вами вождемъ въ духовныхъ дѣлахъ?

Протестантство съ провозглашеннымъ имъ принципомъ частнаго мнѣнія и необходимо вытекавшимъ изъ него отрицаніемъ церковнаго преданія носило въ самыхъ основахъ своихъ отрицаніе *церкви* въ традиціонномъ значеніи этого слова, т. е. видимой церкви, представляемой соборами и церковною іерархією, ведущею свое начало отъ апостоловъ. Не смотря однако же на это, протестанты упорно удерживали за собою освященное древностію наименованіе церкви, хотя оно у нихъ стало обозначеніемъ совсѣмъ новаго понятія. Въ возникшей между католиками и протестантами полемикѣ спорящія стороны особенно много препирались изъ-за эпитета церкви, хотя

принципіальное различіе взглядовъ ихъ по этому вопросу часто заслонялось разными деталями, о которыхъ при болѣе яснои представленіи точки зрѣнія противника не было бы никакой нужды и спорить. Извѣстный Кохлей (въ своихъ „Филиппикахъ на апологию Меланхтона“; у Лэммера стр. 77) сдѣлалъ уже протестантамъ упрекъ въ томъ, что у нихъ церковь— „какая-то математическая, отвлеченная отъ мѣста и лица“. Составителю „христіанскаго исповѣданія католической вѣры“ предстояла теперь, послѣ опроверженія протестантскаго библизма, борьба съ другимъ болѣе общимъ началомъ, лежавшимъ въ основѣ самого этого библизма, — началомъ протестантскаго субъективизма и, какъ слѣдствіемъ его, съ протестантскимъ понятіемъ церкви. Эта полемика затрогиваетъ въ „исповѣданіи“ всѣ существенныя стороны строя католической церкви— вселенскіе соборы, приматство Петра, главенство папы, и на всѣхъ пунктахъ составитель старается показать превосходство традиціоннаго понятія о церкви предъ новымъ протестантскимъ понятіемъ.

Такъ какъ протестанты, какъ и вообще всѣ еретики, узурпируютъ себѣ наименованіе церкви, то прежде всего нужно, говоритъ составитель „исповѣданія“, указать признаки истинной церкви. Онъ указываетъ четыре извѣстныхъ признака—*святая, вселенская, единая и апостольская* (гл. 20, стр. 22—23).

Первый признакъ истинной церкви—*святость*. Но церковь— святая не въ томъ смыслѣ, что къ ней принадлежать одни святые и праведные: только на небѣ, въ церкви торжествующей—одни святые; здѣсь на землѣ, въ церкви воинствующей добрые перемѣшаны съ злыми, праведники съ грѣшниками. Святою церковь называется, во первыхъ, потому, что только въ ней можетъ быть истинная святость, и лучшая часть ея членовъ дѣйствительно святы, а, во вторыхъ, потому, что она кровію Христовою очищена отъ грѣховъ. Кромѣ того въ устахъ людей, называющихъ церковь святою по латини—*sancta*, понятіе святости церкви заключаетъ еще въ себѣ, согласно съ значеніемъ этого слова, понятіе твердости церкви, которой ничто, даже врата адовы не могутъ одолѣть. Много было у церкви враговъ, но она не только всѣхъ ихъ побѣдила, и язычниковъ, и тиранновъ, и іудеевъ, и схизма-

тиковъ, и еретиковъ, но въ борьбѣ съ ними еще болѣе усилилась и окрѣпла (гл. 21, стр. 23—24).

Второй признакъ истинной церкви — *вселенскость*: церковь обнимаетъ всѣ мѣста, всѣ времена, всѣ народы, всѣ сословія и состоянія въ противоположность еретическимъ собраніямъ, могущимъ похвалиться лишь своею малочисленностью. Вселенская, или—что-тоже—католическая церковь вообще находится тамъ, гдѣ католическая вѣра, а католическая вѣра, это—вѣра, исповѣдуемая неизмѣнно всѣмъ міромъ (гл. 22—23, стр. 25—27).

Католическую церковь представляетъ законно собранный *вселенскій соборъ*, и потому его постановленіе есть постановленіе св. католической церкви, которая въ дѣлахъ, касающихся вѣры, не можетъ погрѣшати. Слѣд. кто не вѣритъ постановленіямъ вселенскаго собора, а подвергаетъ ихъ сомнѣнію, тотъ не вѣритъ св. католической церкви, противится Духу Святому, говорящему ея устами, и не достоинъ даже имени католика и христіанина (гл. 24, стр. 27).

Вслѣдъ за этими общими разсужденіями составитель „исповѣданія“ вступаетъ въ продолжительную полемику съ тогдашними противниками вселенскаго собора, или точнѣе—того традиціоннаго вселенскаго собора, апологетомъ котораго онъ выступаетъ. Вселенскій соборъ, какъ извѣстно, съ конца среднихъ вѣковъ получилъ въ католической Европѣ особенное, исключительное значеніе: въ сознаніи лучшихъ людей той эпохи онъ являлся единственною напущею отъ всѣхъ золъ и недуговъ, которыми страдало средневѣковое католичество. Извѣстно, сколько свѣтлыхъ надеждъ возлагалось на вселенскій соборъ въ эпоху такъ называемыхъ реформаторскихъ соборовъ; но извѣстно также, какъ много этихъ надеждъ на нихъ разбилося, какъ много горькихъ разочарованій послѣ нихъ осталось. И все таки западное католичество не утратило исполнѣ вѣры во вселенскій соборъ, и, когда реформація въ разгарѣ борьбы съ папствомъ стала колебать самыя основанія церкви, лучшіе люди западной Европы опять устремили свои взоры ко вселенскому собору, опять стали просить вселенскаго собора и ждать отъ него исцѣленія старыхъ недуговъ. Среди такихъ об-

стоятельство происходилъ знаменитый во многихъ отношеніяхъ тридентинскій соборъ, который хотя и не сыгралъ роли умиротворителя религіозной бури, вызванной реформаціею, составилъ однако своего рода эпоху возрожденія въ жизни католической церкви.

Польша въ теченіи многихъ годовъ, хотя и не съ одинаковымъ напряженіемъ, ждала вселенскаго собора, чаяла отъ него обновленія и умиротворенія своей религіозно-церковной жизни ¹⁾. Уже въ 1525 г. примасъ Мышковскій просилъ папу Климента VII о созваніи вселенскаго собора для возстановленія единства церкви, а примасъ Гамратъ въ 1542 году объщалъ папѣ даже лично прибыть на соборъ и во всякомъ случаѣ прислать на него представителей польской націи. Король Сигизмундъ I также неоднократно просилъ Климента VII и Павла III о скорѣйшемъ созваніи вселенскаго собора, и притомъ въ городѣ желательномъ для свѣтскихъ государей и при участіи въ соборѣ всѣхъ сословій, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ. Но когда послѣ долгихъ проволочекъ, потребовавшихся для улаженія недоразумѣній и препирательствъ папы Павла III съ германскимъ императоромъ Карломъ V, соборъ открылся 13 дек. 1545 года въ Триентѣ, представители польской церкви не явились на него. Вина въ этомъ падаетъ какъ на римскую курію, не извѣстившую своевременно по неизвѣстнымъ пока причинамъ польское правительство и духовенство объ открытіи собора, такъ и на польскихъ епископовъ, изъ-за своихъ личныхъ интересовъ не особенно близко принимавшихъ къ сердцу дѣло потрясенной религіи, въ особенности же на новаго примаса Держговскаго, вздумавшаго обидѣться на папу за то, что онъ не прислалъ ему особаго приглашенія, помимо приглашенія, полученнаго его предшественникомъ Гамратомъ. Напротивъ Сигизмундъ лишь только получилъ отъ папы приглашеніе на соборъ, хотя и порядочно запоздавшее, тотчасъ же отвѣтилъ ему общаніемъ „съ величайшею поспѣшностью“ сфармадить

---

¹⁾ Интересующіеся отношеніямъ Польши къ тридентскому собору могутъ найти подробныя свѣдѣнія о нихъ въ брошюрѣ г. Дембинскаго: «Die Beschiekung des Tridentinum durch Polen und die Frage von Nationalconsil» (Erster Theil, Breslau, 1883). Въ своей диссертациіи г. Дембинскій весьма полно сгруппировалъ извѣстія печатныхъ источниковъ объ отношеніи поляковъ къ первымъ двумъ сессіямъ тридентскаго собора.

въ путь своихъ пословъ на соборъ. Примасть между тѣмъ все медлилъ, то назначалъ, то отмѣнялъ время созванія провинціального синода для выбора уполномоченныхъ на соборъ, и когда наконецъ этотъ синодъ собрался въ Ленчицѣ подъ предсѣдательствомъ краковскаго епископа Мацѣвскаго, пришло въ Польшу извѣстіе о перенесеніи собора 11 марта 1547 года изъ Тріента въ Болонью (въ папскія владѣнія) и вызванныхъ этимъ перенесеніемъ неудовольствіяхъ и пререканіяхъ между папою и императоромъ, грозившихъ окончиться явнымъ расколомъ въ католической церкви. Польскіе епископы, собравшіеся въ Ленчицѣ, раздѣлили повидимому эти неудовольствія: по крайней мѣрѣ вмѣсто посылки уполномоченныхъ въ Болонью, ленчицкій синодъ опредѣлилъ отправить папѣ, отъ лица примаса, посланіе съ просьбою—уладить дѣло относительно мѣста для продолженія и окончанія собора. Мацѣвскій съ краковскимъ каноникомъ Гозіемъ лично ѣздилъ въ резиденцію примаса Ловичъ, и тамъ ими и составлено было это посланіе. Въ немъ примасть доносилъ папѣ, что и въ его провинціи многіе, и при томъ люди властные, недовольны перенесеніемъ собора въ Болонью. Они—по словамъ примаса—говорятъ, что не примутъ соборныхъ опредѣленій, если эти послѣднія не будутъ приняты сосѣдними народами, и къ этому еще прибавляютъ, что нѣмцы имѣютъ полное право не являться на соборъ, потому что имъ былъ обѣщанъ соборъ свободный, а теперь онъ созывается въ такомъ мѣстѣ, гдѣ невозможно свободно высказывать свои мнѣнія. Поэтому примасть, хотя и не раздѣляетъ этихъ мнѣній и опасеній, но такъ какъ не можетъ совершенно игнорировать общественнаго мнѣнія, проситъ св. отца—въ союзѣ съ императоромъ и другими государями принять мѣры къ умиротворенію религіозныхъ тревоженій, не чуждыхъ и его провинціи, и позаботиться о томъ, чтобы соборныя постановленія были приняты не одною Италією, но и всѣмъ христіанскимъ міромъ, особенно же Германіей ¹⁾. Съ своей стороны и Сигизмундъ въ письмѣ къ Павлу III высказывалъ опасенія по поводу перенесенія собора въ Болонью и просилъ папу созвать соборъ, съ согласія императора и

¹⁾ Acta Historica IV, 240—241.

другихъ государей, въ такомъ городѣ, который бы отвѣчалъ общимъ желаніямъ.

Хотя Польша, въ лицѣ своихъ духовныхъ представителей оказалась довольно невнимательною ко вселенскому собору въ Триентѣ, но это еще не доказываетъ апатичнаго отношенія къ нему польскихъ людей того времени. Извѣстны симпатіи самого Сигизмунда I къ собору, неоднократно высказываемыя имъ въ письмахъ къ папамъ: даже только что упомянутое нами письмо къ Павлу III онъ начинаетъ описаніемъ той радости, которую онъ испыталъ при полученномъ отъ папы извѣстїи о состоявшемся уже открытіи вселенскаго собора. Лучшая часть тогдашняго польскаго духовенства, сосредоточившаяся въ капитулахъ, также горячо принимала къ сердцу дѣло вселенскаго собора. Въ то время, какъ Дзержговскій медлилъ созваніемъ провинціального синода, къ краковскому епископу Мацѣевскому, самой свѣтлой личности въ средѣ тогдашняго польскаго клира, явилась (22 окт. 1546 г.) депутация отъ краковскаго капитула, въ лицѣ канониковъ Уханскаго, Гозія, Пржерембскаго и Пржецлавскаго, и просила его — въ виду апатичнаго отношенія къ собору примаса послать въ Триентъ представителей хотя одной краковской епархіи. Просьба эта, конечно, не была исполнена, такъ какъ исполненіе ея невозможно было бы безъ открытаго разрыва Мацѣевскаго съ примасомъ; но во первыхъ она не осталась безъ вліянія на ускореніе созванія ленчицкаго синода, состоявшагося подъ предсѣдательствомъ того же краковскаго епископа, а во вторыхъ самый фактъ подачи такой просьбы краковскимъ капитуломъ краснорѣчиво говоритъ о томъ, какъ близко къ сердцу принимала дѣло вселенскаго собора лучшая часть польскаго духовенства. Что же касается польскаго общества, то достаточно вспомнить только что упомянутое нами посланіе примаса, или ленчицкаго синода, чтобы видѣть, что польское общество не относилось къ нему безразлично, что оно держало сторону Германіи по вопросу о вселенскомъ соборѣ, что оно не ожидало добра отъ собора, созваннаго въ папскомъ городѣ и потому вполне зависѣвшаго отъ папы. Что польское общество интересовалось вселенскимъ соборомъ, что оно серьезно относилось къ нему, доказываетъ наконецъ самымъ явнымъ образомъ то, что тогда въ Краковѣ извѣст-

ной брошюры Модржевскаго „Oratio de legatis ad concilium christianum mittendis“. Въ ней онъ горько сѣтуеть на то, что Польша никого не послала еще отъ себя на вселенскій соборъ, какъ будто общее дѣло христіанства для нея безразлично, и совѣтуеть какъ можно скорѣе собрать сперва енархіальный, а потомъ и провинціальный синодъ съ участіемъ свѣтскихъ людей, даже и изъ крестьянскаго сословія, и, обсудивши на нихъ съ полною свободою слова вопросы, подлежащіе рѣшенію вселенскаго собора, избрать троихъ (или болѣе) уполномоченныхъ и немедленно послать ихъ въ Триентъ, снабдивши синодальными мнѣніями по разнымъ вопросамъ.

Сигизмундъ Августъ наслѣдовалъ симпатіи своего отца къ вселенскому собору. Правда и онъ не сочувствовалъ перенесенію собора изъ Триента въ Болонью и подъ разными предлогами отказывался отъ посланки туда своихъ уполномоченныхъ; но онъ всегда и горячо стоялъ за свободный и законный вселенскій соборъ. Когда папа Юлій III изъявилъ согласіе на созваніе собора въ Триентъ, Сигизмундъ Августъ тотчасъ на петроковскомъ сеймѣ 1550 года назначилъ своимъ посломъ на соборъ Станислава Гозія, возведеннаго тогда въ санъ кульмскаго епископа. Съ своей стороны, въ отвѣтъ на приглашеніе папы, примасъ Держговскій созвалъ въ Петроковѣ синодъ (14 іюня 1551 г.), на которомъ польское духовенство избрало своимъ представителемъ на соборъ того же Станислава Гозія, пріобрѣвшаго себѣ на синодѣ такую извѣстность своимъ „исповѣданіемъ вѣры“. Но такъ какъ поѣздка Гозія въ Триентъ, влѣдствіе возникшихъ на синодѣ несогласій относительно путевыхъ издержекъ, разстроившагося здоровья Гозія и какъ разъ въ эту пору случившагося перемѣщенія его съ кульмской епископіи на вармійскую, угрожала затянуться на неопредѣленное время, то въ Триентъ посланъ былъ временный повѣренный въ дѣлахъ Петръ Глоговскій.

Съ открытіемъ (1 сент. 1550 г.) второй сессіи тридентскаго собора опять ожили въ Польшѣ надежды на умиротвореніе религиозно-церковной жизни, а вмѣстѣ съ ними опять выступили наружу желанія и требованія польскаго общества относительно цер-

ковныхъ преобразованій. Въ написанномъ 1551 году сочиненіи *De republica emendanda* извѣстный уже намъ Модржевскій посвятилъ цѣлый обширный трактатъ вселенскому собору и имѣвшей совершиться на немъ реформѣ церкви. На вселенскій соборъ онъ смотритъ какъ на единственное средство возвратить христіанству миръ, укротить и утишить разбушевавшуюся религіозную бурю. Всѣ, и сами папы, признаютъ это, говоритъ онъ, но до сихъ поръ напрасно ждетъ христіанскій міръ вселенскаго собора. Мысли Модржевскаго, изложенныя имъ въ упомянутомъ трактатѣ, не принадлежали ему одному, а были, какъ онъ самъ говоритъ въ концѣ своей книги, результатомъ „совѣтовъ многихъ людей“, хотя онъ и не отрицаетъ того, что нѣкоторые другіе, и при томъ люди добрые и образованные, но слишкомъ боязливые, опасались, какъ бы опубликованіе этихъ мыслей не нанесло какого-нибудь ущерба вѣрѣ. Мы не будемъ тутъ излагать мыслей Модржевскаго о вселенскомъ соборѣ и о нужныхъ, по его мнѣнію, преобразованіяхъ церкви, предоставляя себѣ указать нѣкоторыя изъ нихъ впоследствии, при изложеніи мнѣній Гозія о тѣхъ же предметахъ.

Въ то время, какъ въ Триентѣ шли соборныя засѣданія, въ Польшѣ въ началѣ 1552 г. собрался въ Петроковѣ сеймъ, происходившій подъ безспорнымъ вліяніемъ Модржевскаго. Благодаря дошедшимъ до Польши благоприятнымъ извѣстіямъ о вновь открывшемся соборѣ, о его примирительномъ повидимому отношеніи къ германскимъ протестантамъ, сеймъ отнесся къ нему, особенно на первыхъ порахъ, довольно сочувственно. Правда, общее настроеніе петроковскаго сейма по многимъ причинамъ не могло нравиться римской куріи. Для враждебнаго отношенія ея къ сейму довольно было уже того, что даже католическіе участники сейма, въ родѣ краковскаго епископа Зебржидовскаго, то просили папу дать на соборѣ противникамъ полную свободу слова и даже явить по нѣкоторымъ пунктамъ образецъ дѣятели и снисхожденія къ нимъ, то выражали желаніе, чтобы тридентскій соборъ постановилъ такія опредѣленія, какихъ требуютъ обстоятельства времени, то наконецъ высказывали опасеніе, какъ бы не произошло въ Польшѣ чего-нибудь несогласнаго съ видами апостольскаго престола, если

на тридентскомъ соборѣ будетъ постановлено что-нибудь такое, что не всѣмъ покажется благочестивымъ и христіанскимъ. Но какъ бы то ни было петроковскій сеймъ 1552 года по своему сочувствоваль вселенскому собору и это свое сочувствіе выразилъ между прочимъ въ избраніи послдовъ на соборъ. Въмѣсто Гозія сеймъ выбралъ троихъ послдовъ на соборъ — Яна Дрогоевского, владиславскаго епископа, Якова Уханскаго, холмскаго епископа, и Станислава Тенчинскаго, краковскаго воеводу, которымъ долженъ былъ, по желанію короля, сопутствовать и его секретарь Модржевскій. Избраніе этихъ лицъ само по себѣ краснорѣчиво свидѣтельствуешь о настроеніи петроковского сейма и въ свое время произвело большую сенсацію въ строго-католическомъ лагерѣ; но уполномоченнымъ петроковского сейма не пришлось побывать въ Триентѣ, такъ какъ 28 апр. 1552 г. соборныя совѣщанія вторично прерваны были цанюю.

Изъ сказаннаго нами объ отношеніи Польши къ вселенскому собору видно, что составитель „исповѣданія“ былъ въ свое время однимъ изъ наиболѣе заинтересованныхъ въ немъ лицъ. И онъ возлагалъ большія надежды на соборъ; но онъ ждалъ отъ него не желаннаго Модржевскому „очищенія религіи“, не пресловутаго „преобразования церкви согласно съ словомъ Божиимъ“, а утвержденія на немъ традиціоннаго ученія католической церкви, апологетомъ котораго онъ выступаетъ и въ своемъ „исповѣданіи“. Полемику свою Гозій начинаетъ категорическимъ заявленіемъ, что не должно и слушать тѣхъ, которые хотятъ разсуждать на соборѣ о томъ, относительно чего уже существуютъ опредѣленія прежнихъ соборовъ. Нетрудно себѣ представить, какое чувство возбуждали въ Гозіѣ и обширный планъ церковныхъ преобразованій, начертанный черезчуръ смѣлою рукою Модржевскаго, и тѣ желанія и требованія, которыя предъявляла къ тридентскому собору посольская изба на сеймъ 1552 года. Между тѣмъ какъ реформаціонная партія вѣчно твердила и повторяла, какъ безспорную истину, что многое и въ ученіи, и въ устройствѣ церкви, нуждается въ измѣненіи, въ преобразованіи согласно съ „обстоятельствами времени“, Гозій полагалъ, что, еслибы дозволить вообще такую от-

Христ. Чтен., № 7—8, 1885 г.

мѣну опредѣленій прежнихъ соборовъ, то ничего изъ этого не вышло бы, кромѣ чрезвычайной путаницы какъ въ ученіи, такъ и въ установленіяхъ церковныхъ, кромѣ совершеннаго замѣшательства во всѣхъ какъ божескихъ, такъ и человѣческихъ дѣлахъ. Всѣ ходятъ собора, говорятъ онъ; но что пользы въ немъ, если постановленія его чрезъ нѣсколько лѣтъ будутъ отмѣнены, если вообще совѣтъ людей постоянно будетъ возмущаема, если не будетъ въ церкви ничего прочнаго, несомнѣннаго. Исторія свидѣтельствуетъ, что вселенскіе соборы отказывались входить въ обсужденіе тѣхъ предметовъ, вѣрученія, по которымъ уже состоялись опредѣленія предшествовавшихъ имъ соборовъ. Императоры запрещали спорить и препираться о состоявшихся уже соборныхъ опредѣленіяхъ. Сами папы трактовали вселенскіе соборы, какъ св. Евангеліе. А протестанты теперь хотятъ, чтобы имъ дозволено было въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ католическая вѣра, вводить ежегодныя измѣненія. Если не дозволяется спорить объ опредѣленіи государя—человѣка, разъ оно опубликовано, а слѣдуетъ ему безпрекословно повиноваться, то тѣмъ менѣе позволительно спорить и препираться объ опредѣленіи Духа Святаго, говорящаго устами церкви. Самъ Лютеръ признаетъ тотъ фактъ, что отцы никейскаго собора не захотѣли даже и выслушать аріанъ, какъ явныхъ богохульниковъ. Такъ же точно должно поступать и съ теперешними непризванными проповѣдниками, съ этими по истинѣ ворами и разбойниками, вторгающимися въ чужія церкви и похищающими чужую собственность. На возраженіе, что опредѣленія даже вселенскихъ соборовъ, по свидѣтельству бл. Августина, могутъ быть впоследствии исправляемы, Гозій отвѣчаетъ, что слова Августина вовсе не имѣютъ того смысла, будто постановленное на одномъ соборѣ относительно вѣры можетъ быть на другомъ вновь обсуждаемо, или что позднѣйшій соборъ можетъ издавать опредѣленія, противныя предыдущимъ соборамъ. Позднѣйшіе соборы могутъ измѣнять, или исправлять только такія опредѣленія предыдущихъ соборовъ, которыя касаются положительнаго права, внѣшняго культа, церковной дисциплины въ тѣхъ именно случаяхъ, когда они не подходятъ къ новымъ требованіямъ времени. Что

же касается опредѣленій относительно вѣры, то они должны навсегда остаться твердыми и неизмѣнными.

Проводя ту мысль, что касающіяся вѣры постановленія одного вселенскаго собора не могутъ быть послѣдующимъ соборомъ измѣняемы, Гозій стоялъ въ полной гармоніи съ тридентскимъ соборомъ, и вмѣстѣ съ нимъ, очевидно, разрушалъ всякую надежду на примиреніе съ протестантами, доколѣ они не отказались отъ всего того, что такъ или иначе противорѣчило опредѣленіямъ какого-либо изъ вселенскихъ соборовъ католической церкви. Правда, въ теоріи „исповѣданіе“ допускало возможность измѣненія опредѣленій, касавшихся положительнаго права, внѣшняго культа и церковной дисциплины, но на практикѣ, какъ показалъ тридентскій соборъ, эта возможность съ трудомъ переходила въ дѣло, такъ какъ въ вѣкахъ сложившемся строѣ католичества церковная дисциплина тѣсно связывалась со всѣмъ строемъ основныхъ правовыхъ понятій папства, ставшихъ для католика догматами вѣры. Не только въ догматикѣ, но и въ церковномъ устройствѣ папство не хотѣло ничѣмъ поступиться въ угоду реформации. Тридентскій соборъ, созданный для реформы церкви, ничего такъ не чуждался и не страшился, какъ серьезной реформы церковной. Лишь только открылся соборъ въ Триентѣ, папскіе легаты заявили; что слѣдуетъ начать съ опредѣленія догматовъ, какъ самаго важнаго предмета религіи: они понимали, что это опредѣленіе приведетъ къ столь желательному для нихъ окончательному разрыву съ протестантами и вмѣстѣ съ нимъ къ отсрочкѣ навсегда дѣла реформы. Императоръ Карлъ V, искренно желавшій примиренія католиковъ съ протестантами, напротивъ настаивалъ на немедленныхъ церковныхъ реформахъ, чтобы чрезъ нихъ достигнуть примиренія съ протестантами. Независимые отъ папы епископы, по преимуществу испанскіе, тоже желали прежде всего серьезной реформы просто для умиротворенія смущенной, колеблющейся совѣсти католиковъ. Въ виду сильной оппозиціи легаты не смогли вполне отстоять своего предложенія, въ основѣ котораго лежала и мысль о принадлежности всѣхъ іерархическихъ и дисциплинарныхъ дѣлъ исключительно къ компетенціи папы. Они нашли впрочемъ удобный для

себя выходъ изъ своего неудобнаго положенія: рѣшено было вопросы догматическіе и вопросы церковной реформы разсматривать одновременно въ различныхъ комиссіяхъ. Въ головѣ председателей вселенскаго собора созрѣлъ такой планъ: они станутъ затягивать совѣщанія о догматахъ до тѣхъ поръ, пока не узнаютъ мнѣнія папы о той или другой обсуждаемой соборомъ реформѣ въ церкви ¹⁾. Планъ этотъ удался имъ какъ нельзя лучше, хотя и не безъ великихъ усилій, заботъ, волненій и тревогъ. Тридентскій соборъ не тронулъ ни одного камня въ старомъ зданіи, въ угоду новымъ планамъ. Конкретный образъ тридентскаго собора, очевидно, носился предъ очами составителя „исповѣданія“, когда онъ такъ ревностно сѣуживалъ рамки дѣйствій вселенскаго собора, когда онъ проповѣдывалъ, что новаторовъ не слѣдуетъ на соборѣ и выслушивать, какъ явныхъ богохульниковъ.

Вопросъ о составѣ вселенскаго собора былъ въ то время спорнымъ вопросомъ. Въ Польшѣ многіе желали допущенія свѣтскихъ людей къ участию въ соборѣ. Въ этомъ смыслѣ, какъ упомянули мы выше, писалъ папѣ Клименту VII Сигизмундъ I. Модржевскій точно также писалъ, что вселенскій соборъ не долженъ состоять изъ однихъ епископовъ: вселенская вѣра, говорилъ онъ, есть вѣра не однихъ духовныхъ, но и мірянъ, есть вѣра всѣхъ вообще христіанъ. Петроковскій сеймъ 1552 года, какъ мы видѣли, стоялъ на этой точкѣ зрѣнія и избралъ представителями Польши на тридентскій соборъ двоихъ епископовъ и одного свѣтскаго человѣка, а Сигизмундъ Августъ пожелалъ присоединить къ нимъ и самого Модржевскаго. Эти послы, какъ мы знаемъ, не увидѣли тридентскаго собора. Но по истинѣ траги-комическое ихъ было бы положеніе въ Триентѣ, если бы имъ суждено было прибыть во время на вселенскій соборъ. Нельзя не сознаться, что и римской куріи они надѣлали бы только лишнихъ хлопотъ, и еще въ такое время, когда она съ трудомъ справлялась и съ нѣмецкими претензіями. Извѣстно, что на тридентскомъ соборѣ господствующая итальянская партія рѣшила не подавать голосовъ по

¹⁾ Oncken, *Algem. Gesch.*, Abth 78, p. 81.

націямъ, какъ было на предыдущихъ соборахъ, а постановлять опредѣленія по простому большинству голосовъ, т. е. по голосамъ итальянскихъ епископовъ, вполнѣ зависѣвшихъ во всей своей карьерѣ отъ папы. Мало того: вопреки практикѣ прежнихъ соборовъ, уполномоченные отсутствующихъ епископовъ лишены были права голосованія. Все это въ концѣ концовъ превращало тридентскій соборъ, особенно въ первыя двѣ его сессіи, въ итальянско-испанскій синодъ, хотя онъ считалъ себя вселенскимъ и дѣйствовалъ отъ имени всей католической церкви. При такомъ положеніи дѣла свобода слова на немъ существовала лишь на языкѣ папскихъ легатовъ и ихъ итальянской рати, а допущеніе свѣтскихъ людей, т. е. представителей протестантства, къ участию въ соборѣ, являлось и само по себѣ, съ католической точки зрѣнія, дѣломъ невозможнымъ. Вся законодательная власть на соборѣ *de jure* принадлежала епископамъ, хотя *de facto* въ установленіи католической догматики въ Триентѣ весьма дѣятельное участіе принимали люди, не имѣвшіе епископскаго сана, такъ называемые папскіе теологи, которыми были по большей части монахи-доминиканцы и іезуиты. Но это отступленіе отъ принципа допущено было для своихъ—итальянскихъ теологовъ; немѣцкимъ богословамъ на соборѣ не позволили фактически воспользоваться тѣмъ, что имъ не принадлежало *de jure*. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что нѣмецкіе протестанты, и даже многіе немѣцкіе католики не признавали тридентской истины вселенскою, для себя обязательною, и остались при своемъ прежнемъ мнѣніи относительно того, что нужно признать законнымъ вселенскимъ соборомъ. Польская реформаціонная партія также не хотѣла на мѣстѣ своего идеальнаго собора поставить историческій тридентскій соборъ, столь далекій отъ идеала. Составителю „исповѣданія“ предстояла трудная задача теоретически оправдать тридентскій соборъ.

Изъ того, что не всѣ изъ народа призываются на вселенскій соборъ и принимаютъ участіе въ немъ, вовсе еще не слѣдуетъ то, говоритъ Гозій, что онъ не представляетъ собою всей католической церкви. Это участіе всѣхъ въ соборѣ само по себѣ невозможно, и даже если бы оно и оказалось возможнымъ, то чернь

(turba) ничего не могла бы произвести на соборъ кромѣ замѣшательства (turbationem). Только одни епископы, какъ отцы церкви, призванные заботиться о спасеніи своихъ духовныхъ чадъ, призываются на соборъ со всего христіанскаго міра. На іерусалимскомъ соборѣ, ставшемъ первообразомъ всѣхъ соборовъ, говорили одни апостолы, и впоследствии, сколько ни было соборовъ, не изъ кого другаго они состояли, какъ изъ епископовъ. и даже назывались обыкновенно соборами епископовъ. Возраженіе, что пастыри дѣлаются изъ овецъ, не имѣетъ никакого значенія: пока человекъ не получилъ законнаго посвященія, онъ не имѣетъ еще права отправлять обязанностей пастыря. Поэтому въ католической церкви къ сужденію о дѣлахъ вѣры на соборахъ всегда допускались только епископы, хотя къ присутствованію на нихъ допускались и болѣе другихъ отличавшіеся ученостью пресвитеры. Не имѣетъ силы и то возраженіе, что христіанская вѣра есть общая вѣра всѣхъ христіанъ, не однихъ духовныхъ, а и мірянъ. Изъ того, что вѣра ко всѣмъ относится, не слѣдуетъ того, что всѣмъ принадлежит и сужденіе о вѣрѣ, подобно тому какъ изъ того, что всѣмъ нужно правосудіе, не слѣдуетъ, что всѣ его призваны творить.

Весьма обычнымъ доводомъ въ пользу участія свѣтскихъ людей во вселенскомъ соборѣ было у протестантскихъ писателей указаніе на то, что многіе міряне—люди весьма образованные и въ самомъ богословіи превосходятъ иныхъ епископовъ. При выборѣ пословъ на вселенскій соборъ, говорилъ Модржевскій, нужно принимать во вниманіе природныя дарованія, ученость, разсудительность, чистоту нравственной жизни человека, и людямъ, обладающимъ этими качествами, предоставить право сужденія о спорныхъ предметахъ; напротивъ лишить этого права тѣхъ епископовъ, которымъ не достаетъ нужныхъ качествъ: какое это было бы позорное зрѣлище, говоритъ онъ,—глупцы въ роли судей и повелителей всего міра!

Допустимъ, соглашается Гозій, что между мірянами пайдутся люди весьма ученые, въ самомъ богословіи болѣе свѣдующіе, нежели иные епископы. Но это ничего еще не доказываетъ: не мало есть частныхъ лицъ, знающихъ законы лучше королей и судей, и одна-

ко же никто изъ-за этого не станетъ оспаривать у этихъ послѣднихъ принадлежащей имъ судебной власти. Церковь имѣетъ своихъ правителей (*principes*), и этимъ правителямъ, а не тѣмъ, которые считаютъ себя ученѣе другихъ, принадлежитъ власть управлять церковью и судить о дѣлахъ вѣры. Какъ бы ни былъ мирянинъ ученъ и благочестивъ, хотя бы онъ обладалъ всеми добродѣтелями, пока онъ—мирянинъ, онъ не перестаетъ и называться, и быть овцою. Напротивъ епископъ, хотя бы онъ лично не заслуживалъ никакого уваженія, хотя бы онъ не имѣлъ никакихъ добродѣтелей пока онъ —предстоятель церкви, онъ пользуется и именемъ, и властью пастыря. Да и зачѣмъ овцамъ сбивать съ толку пастырей разнаго рода тонкостями, зачѣмъ имъ доискиваться того, что выше насъ: не лучше ли со страхомъ и искреннею вѣрою слушаться своихъ пастырей, какъ служителей Господа, и исполнять свои собственныя обязанности. Впрочемъ, это и неправда, будто многіе миряне превосходятъ въ богословіи епископовъ. Теперь въ Польшѣ если кто прочелъ чьи-либо *locos communes*, то ужé признается болѣе свѣдущимъ въ богословіи, чѣмъ епископъ. Правда, попадаются иногда епископы, мало свѣдущіе въ Писаніи, но нѣтъ ни одной провинціи, въ которой бы не было и епископовъ, обладающихъ выдающимися познаніями. Вообще необразованные епископы—лишь исключеніе, которое не даетъ еще основанія спорить противъ того общаго правила, что вселенскіе соборы должны быть, какъ они бывали до сихъ поръ, соборами епископовъ.

Съ вопросами объ участіи свѣтскихъ людей во вселенскихъ соборахъ тѣсно связывался вопросъ объ участіи въ нихъ государственной власти. Позій рѣшаетъ и этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ. насколько это участіе касается предметовъ вѣры. Если государи и присутствовали на нѣкоторыхъ соборахъ, говорить онъ, то вовсе не съ тѣмъ, чтобы постановлять на нихъ свои опредѣленія о предметахъ, касающихся вѣры, или чтобы присвоивать себѣ право произносить по нимъ рѣшенія, а съ тѣмъ, чтобы поддержать авторитетъ собора и озаботиться приведеніемъ въ исполненіе его опредѣленій. Это неопровержимо доказывается всею исторіею вселенскихъ соборовъ, свидѣтельствующею между

прочимъ о томъ, что подъ соборными опредѣленіями подписывались съ правомъ голоса рѣшающаго только епископы; государи обыкновенно не подписывались, если же иногда, въ видѣ исключенія, и подписывались, то въ самыхъ своихъ подписяхъ оговаривали, что подписываютъ ихъ не въ качествѣ судей (*judicantes*). Съ особеннымъ удовольствіемъ Гозій указываетъ на то, что и современный ему императоръ Карлъ V раздѣляетъ эту же точку зрѣнія на отношеніе свѣтской власти къ предметамъ вѣры, какъ это обнаружилось въ дѣлѣ Лютера. Польскіе короли — недавно скончавшійся Сигизмундъ I и нынѣ царствующій Сигизмундъ Августъ, происходящіе по матери изъ того же славнаго австрійскаго дома, всегда держались и держатся той же точки зрѣнія: когда ихъ просили дозволить въ Польшѣ проповѣдь „чистаго Евангелія“, они прямо отвѣчали, что судить о чистотѣ Евангелія—дѣло не королей, а епископовъ. Вообще этой точки зрѣнія держались и держатся всѣ католическіе государи; если же и бывали иногда исключенія, то одна ласточка не дѣлаетъ еще весны, и церковная власть въ такихъ случаяхъ обыкновенно энергически протестовала противъ вторженія свѣтской власти въ дѣла вѣры (какъ это видно изъ примѣра Осія Кордубскаго, Аѳанасія Вел., Амвросія) и ревностно оберегала однимъ епископамъ принадлежащее право сужденія объ этихъ дѣлахъ.

Энергическая отвѣдь Гозія приверженцамъ участія свѣтской власти во вселенскихъ соборахъ вызывалась настоятельными потребностями времени. Возставшее на защиту частнаго мнѣнія противъ церковнаго авторитета протестантство неожиданно для самого себя создало себѣ новый авторитетъ въ лицѣ свѣтской или государственной власти. Польскіе приверженцы реформаціи пошли на этомъ пути вслѣдъ за своими заграничными собратами: на каждомъ почти сеймѣ они осаждали короля просьбами о преобразованіи церкви, объ уничтоженіи въ ней человѣческихъ измышленій. И по мѣрѣ того, какъ разбивались надежды на тридентскій соборъ, поднимались и усиливались въ польскомъ обществѣ желанія совершить церковную реформу своими мѣстными средствами, на такъ называемомъ національномъ соборѣ.

Въ XVI вѣкѣ мысль о созваніи національнаго собора для умиротворенія на немъ религіозныхъ разногласій была популярною во всѣхъ почти странахъ, охваченныхъ реформаціоннымъ движеніемъ. Даже многіе католики, искренно желавшіе искорененія злоупотребленій и нестроеній католической церкви, возлагали свои надежды не на папу, а на императора. Самъ правовѣрный Карлъ V иногда готовъ былъ стать на эту точку зрѣнія. Во время напр. такъ называемаго болонскаго собора, который папѣ хотѣлось сдѣлать продолженіемъ прекращеннаго далеко не по высокимъ соображеніямъ собора тридентскаго, Карлъ потребовалъ отъ Павла III присылки въ Германію кардиналовъ, снабженныхъ полномочіями разрѣшить въ ней причащеніе подъ двумя видами, бракъ священниковъ и секуляризацию въ нѣкоторыхъ мѣстахъ церковныхъ имуществъ, и, такъ какъ папа медлилъ присылкою легатовъ, издалъ отъ своего имени *interim*, разрѣшившій безъ согласія папы первые два пункта (въ маѣ 1548 г.), и вскорѣ послѣ него другой эдиктъ, предписывавшій частое созываніе столь непріятныхъ Риму провинціальныхъ синодовъ. Правда папы счумѣли отворотить опасныя послѣдствія этихъ эдиктовъ, но самый фактъ изданія ихъ показываетъ, что государственная власть, въ силу историческихъ обстоятельствъ, въ сознаніи какъ самихъ императоровъ, такъ и подданныхъ ихъ, получила до нѣкоторой степени значеніе вождя и судьи въ церковныхъ дѣлахъ и вопросахъ. На всякаго рода національныхъ собраніяхъ, съѣздахъ, коллоквиумахъ, какъ въ Германіи, такъ и во Франціи, государственная власть всегда принимала болѣе или менѣ дѣятельное участіе, и это участіе встрѣчало со стороны приверженцевъ реформаціи полное сочувствіе. Въ Польшѣ вопросъ о національномъ соборѣ фигурировалъ въ числѣ наиболѣе животрепещущихъ вопросовъ во все продолженіе царствованія Сигизмунда Августа, и при этомъ являлся въ разныхъ—такъ сказать—фазахъ, сообразно съ мѣнявшимися обстоятельствами и условіями времени.

Еще въ царствованіе Сигизмунда I, въ эпоху первой сессіи тридентскаго собора, мысль о національномъ соборѣ проявлялась и высказывалась въ Польшѣ: по крайней мѣрѣ Модржевскій въ извѣстной рѣчи „*de legatis*“ проектировалъ прежде посылки упол-

номоченных на вселенскій соборъ созваніе въ Польшѣ провинціального синода, долженствовавшего, по его мысли, состоять не только изъ духовныхъ, но и изъ свѣтскихъ людей (не исключая даже крестьянъ), и имѣвшего кромѣ выбора этихъ уполномоченныхъ привести въ извѣстность нужды церкви въ Польшѣ, всесторонне подъ условіемъ полной свободы снова обсудить ихъ и принятыми относительно ихъ рѣшеніями снабдить пословъ на вселенскій соборъ. Проектированный Модржевскимъ провинціальный соборъ, очевидно, весьма далеко уклонялся отъ тина обыкновенныхъ провинціальныхъ синодовъ и скорѣе походилъ на то, что впоследствии онъ самъ и другіе стали называть національнымъ синодомъ. Но въ это время, какъ и долго впоследствии, Модржевскій не рѣшался еще пожертвовать совсѣмъ идеею вселенской церкви въ пользу принципа національности: въ той же рѣчи онъ прямо заявляетъ, что не слѣдуетъ дѣлать самыя постановленія о вѣрѣ на провинціальномъ синодѣ, какъ относящіяся къ компетенціи вселенскаго собора. Вообще идея вселенскости церкви, особенно въ первые годы царствованія Сигизмунда Августа, брала еще въ сознаніи Модржевскаго перевѣсъ надъ идеею національности, въ особенности въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимала ее въ то время въ Польшѣ многочисленная партія, предводимая извѣстнымъ польскимъ юристомъ Пржилускимъ. Пржилускій былъ носителемъ тѣхъ новыхъ для того времени воззрѣній на церковь и государство, которыя сложились въ головахъ тогдашнихъ западно-европейскихъ юристовъ подъ вліяніемъ изученія древнихъ римскихъ законовъ и всего вообще строя понятій классической древности относительно государственной власти и ея роли въ дѣлахъ вѣры и церкви. Въ его „статутахъ“ со всею ясностью и опредѣленностію выставляются въ противовѣсъ принципамъ средне-вѣковаго католичества два новыхъ принципа—принципъ государства и государственной власти, которымъ у него подчиняются церковь и церковная власть, и принципъ національности, въ жертву которому приносится вселенскость церкви. Между тѣмъ какъ Модржевскій не только никогда не могъ отрѣшиться отъ идеи вселенскости церкви, но даже, не довольствуясь католическими рамками вселенской церкви, расширялъ ихъ до признанія необхо-

димости участія во вселенскомъ соборѣ не однихъ западно-европейскихъ, а и всѣхъ христіанъ вообще—грековъ, русскихъ, армянъ: Пржилускій, руководясь своими принципами, предпочиталъ національный соборъ вселенскому, являлся защитникомъ умиротворенія религіозныхъ несогласій, волновавшихъ Польшу, одними мѣстными, польскими средствами, т. е. по преимуществу средствами правительства и народнаго представительства, не заботясь объ остальныхъ государствахъ, не дожидаясь вселенскаго собора. „Такъ какъ именемъ государства обнимается польза народа въ дѣлѣ спасенія душъ и заботы о тѣлахъ и собственности, то очевидно, что король долженъ вслѣдствіе своего происхожденія, ученія и воспитанія обладать большимъ разумніемъ божескихъ и человѣческихъ дѣлъ, чѣмъ всѣ его подданные: онъ вождь и судья“ (Szujski, *Odrodzenie i reformacja*, str. 63). Оставляя духовенству въ проектируемой народной церкви всѣ его права, привилегіи, десятины, даже право отлученія, Пржилускій въ тоже время проводилъ мысль о священническомъ достоинствѣ короля, проповѣдывалъ подчиненіе ему церкви; петроковскій сеймъ 1550 года, происшедшій подъ вліяніемъ Пржилускаго, ясно выразилъ эти идеи въ заявленномъ имъ желаніи, чтобы „король устранилъ всѣ заблужденія и злоупотребленія, которыя противны слову Божію, чтобы онъ указалъ своимъ подданнымъ путь къ вѣчному блаженству и для улаженія разногласій между духовными и свѣтскими созвалъ въ своемъ государствѣ всеобщій синодъ“¹⁾. Эти желанія сейма не получили удовлетворенія, и на слѣдовавшемъ затѣмъ петроковскомъ сеймѣ 1552 г., въ виду добрыхъ вѣстей объ открывшейся тогда второй сессіи тридентскаго собора, восторжествовали болѣе умѣренныя идеи Модржевскаго, видѣвшаго во вселенскомъ соборѣ средство умиротворенія церкви. Но, это торжество не было полнымъ, и на этомъ же самомъ сеймѣ Сигизмундъ Августъ обѣщаль посольской избѣ, въ случаѣ, еслибы на тридентскомъ соборѣ состоялось какое-либо нежелательное постановленіе, созвать національный соборъ въ своемъ государствѣ. На послѣдующихъ сеймахъ,

---

¹⁾ *Scriptores Rerum Poenicarum*, 1, 41.

особенно на петроковскомъ сеймѣ 1555 года, мысль о созваніи національнаго собора заявлялась съ большею силою и вопросъ этотъ очень часто дебатировался на сеймахъ. На сторону національнаго собора перешла и партія Модржевскаго. Къ ней пристали нѣкоторые представители польскаго епископата, въ томъ числѣ много лѣтъ занимавшій каеэдру примаса Яковъ Уханскій.

Хотя составителю „исповѣданія“ извѣстно было, какъ сильно (*tanto studio*) въ то время желали въ Польшѣ національнаго собора, онъ удѣлилъ вопросу о немъ сравнительно мало мѣста. Но взглядъ его и тутъ высказался съ достаточною опредѣлительностью. Национальные соборы, по мысли Гозія, не заслуживаютъ даже названія собора: это скорѣе сборища, или скопища. Если исповѣдуемая нами вѣра есть и называется католическою, то она касается не одного какого-либо народа, а всѣхъ вообще христіанъ, гдѣ бы они ни находились. Поэтому дѣлать въ своемъ народѣ или государствѣ какія-либо постановленія относительно вѣры—не что иное значить, какъ отдѣляться отъ католической вѣры и церкви. Въ частности относительно мнѣнія „нѣкоторыхъ несвѣдущихъ“, что никакой синодъ не можетъ происходить безъ участія государственной власти, Гозій съ удареніемъ отмѣчаетъ то обстоятельство, что церковные каноны дѣлаютъ исключеніе для однихъ вселенскихъ соборовъ, позволяя присутствіе на нихъ государямъ, но не дозволяютъ имъ присутствовать на провинціальныхъ синодахъ. Относительно этихъ частныхъ, или провинціальныхъ соборовъ онъ наконецъ замѣчаетъ, что они могутъ погрѣшать, непогрѣшимъ только вселенскій соборъ, на которомъ присутствуетъ папа, или который созванъ его властью.

Третій признакъ истинной церкви—*единство* ея: церковь есть единое цѣлое, въ ней нѣтъ партій, въ ней одна вѣра, одни таинства, одни даже обряды, одинъ богослужебный языкъ. Напротивъ у еретиковъ вообще и въ частности у претендующихъ на названіе евангеликовъ сколько головъ, столько и особыхъ мнѣній о догматахъ вѣры. Другъ съ другомъ они препираются даже больше, чѣмъ съ католиками, и нѣтъ физической возможности просто перечислить всѣ ихъ измышленія. Каждый день новые у

нихъ являются догматы, новыя споры, каждый годъ издаются у нихъ новыя системы богословія. Сегодня вѣрують они въ одно, завтра увѣрують въ другое. У нихъ вѣчная междуусобная война, въ которой только и утѣшительно то одно, что война еретиковъ есть миръ для церкви. Все это отъ того происходитъ, что они отступили отъ истины, а истина не можетъ быть многообразною, но какъ голосъ единого Святаго Духа, она всегда—едина (гл. 25, стр. 41—42; ср. стр. 318—319).

Главная причина, почему истинная церковь пребываетъ всегда единою, заключается въ томъ, что члены, образующіе ее, не увлекаются своими частными мнѣніями, а плѣняются свой разумъ въ послушаніе главъ всей церкви. Христосъ—глава и основаніе церкви, единый пастырь единого стада. Но хотя Его одного вполне было бы достаточно для управленія церковью и сохраненія ея единства, однако Онъ, отходя къ Отцу Своему, благоволилъ одному апостолу Петру поручить пасти своихъ овецъ, чтобы такимъ образомъ ап. Петръ и его преемникъ поддерживалъ на землѣ единство церкви (*dux et princeps retinendae unitatis*). И это нисколько не умаляетъ славы Христа: единственно по безконечной своей благодати Онъ даровалъ людямъ многое, чего они вовсе не заслуживали, и вообще нѣтъ ничего такого, чего бы онъ не былъ готовъ дать людямъ. Онъ, нерушимый и краеугольный камень церкви, благоволилъ сдѣлать ап. Петра и его преемниковъ, тѣмъ камнемъ, на которомъ построена церковь. — Гозій не излагаетъ доказательствъ приматства ап. Петра, весьма подробно развитыхъ у его предшественниковъ (особенно у Бертольда, автора „нѣмецкаго богословія“, и у Контарина). Онъ только обращаетъ вниманіе на неправильное, по его мнѣнію, толкованіе противниками этого приматства извѣстныхъ словъ Христа: „ты—Петръ, и на семь камнѣ я создамъ церковь Мою“. Въ Польшѣ тогда не только среди протестантовъ, но и среди католическаго духовенства были въ ходу не вполне католическія толкованія этихъ словъ ¹⁾. Гозій согласенъ допустить, что и Христосъ — *petra*, камень,

¹⁾ Объ этомъ свидѣлствуетъ самъ Гозій въ одномъ изъ своихъ писемъ (*Acta Historica*, IV, 261).

и вѣра, которую исповѣдалъ ап. Петръ,—ретга; но изъ этого еще не слѣдуетъ, по его мнѣнію, что и ап. Петръ не есть ретга. Если признавать, что единственный камень, на которомъ построена церковь есть Христось, или вѣра въ Него, исповѣданная Петромъ, то, говорить онъ, Лютеръ скажетъ: вотъ — Христось, Кальвинъ скажетъ въ свою очередь: вотъ—онъ, анабаптисты скажутъ: вотъ — онъ и т. д. Въ концѣ концовъ выйдетъ, что нѣтъ истины въ церкви, когда невозможно распознать у нея ни основанія, ни зданія. Истинная церковь должна имѣть видимый камень, на которомъ она построена, а это и есть папа, предстоятель всей церкви, преемникъ Петра апостола (гл. 26, стр. 42—44).

Отсѣлъ, четвертый признакъ истинной церкви—*апостольская*: она хранитъ ученіе апостоловъ, дошедшее до нея не только чрезъ писаніе, но и чрезъ преданіе, и имѣетъ законное преемство епископовъ отъ самихъ апостоловъ (гл. 27, стр. 45). Гдѣ нѣтъ преемства епископовъ отъ апостоловъ, тамъ нѣтъ и ученія апостоловъ, а слѣдовательно тамъ нѣтъ церкви, тамъ синагога сатаны. Сами не имѣя церкви, протестанты употребляютъ всѣ усилія къ тому, чтобы и ни у кого другаго ея не было, и такъ какъ единая истинная церковь не можетъ существовать безъ одного предстоятеля, то всѣ свои махинаціи они направили на ниспроверженіе папства.

Представители реформаціонныхъ движеній тогдашняго польскаго общества не всегда прямо нападали на приматство папы. Подъ вліяніемъ ли старыхъ традицій, или по инымъ причинамъ они старались не ниспровергнуть совсѣмъ, а только преобразовать папство. Даже Пржилускій соглашался признавать римскаго епископа первымъ между епископами. Что же касается Модржевскаго, то онъ готовъ былъ признавать папу главою церкви, согласенъ былъ допустить долю правды въ названіи ап. Петра основаніемъ церкви, соглашался даже называть папу викаріемъ Христа. Но всѣ эти уступки на дѣлѣ очень мало имѣли значенія: тотъ же самый Модржевскій набрасываетъ такой планъ преобразованія папства и всего строя католической іерархіи, въ которомъ очень мало оставалось бы отъ традиціоннаго папства. Сущность этого преоб-

разованія—замѣна монархическаго абсолютизма въ дѣлѣ управленія церковью крайнимъ республиканизмомъ, съ выборнымъ на одинъ годъ папою во главѣ, сильно къ тому же ограниченнымъ совѣтомъ десяти выбранныхъ для него вселенскимъ соборомъ совѣтниковъ и лишеннымъ въ добавокъ всякой судебной власти, съ каждымъ десять лѣтъ созываемыми вселенскими соборами, съ эмансипаціею отдѣльныхъ церквей, или провинцій изъ-подъ власти Рима и т. д. и т. д.

Въ противоположность этимъ навѣяннымъ реформаціею идеямъ Гозій въ своемъ „исповѣданіи“ является защитникомъ традиціоннаго папства. Отъ самихъ апостоловъ, говоритъ онъ, ведетъ свое начало постоянно соблюдавшійся церковію обычай — повиноваться тому, кого самъ Христосъ оставилъ вмѣсто Себя верховнымъ вождемъ на землѣ, и къ нему одному обращаться по дѣламъ, касающимся вѣры. Чтобы убѣдиться въ этомъ, онъ приглашаетъ прочесть постановленія соборовъ, посланія папъ, обратиться къ свидѣтельствамъ исторіи, ясно говорящимъ въ пользу приматства папы. Даже еретики, до самого Лютера включительно, по дѣламъ вѣры всегда обращались первоначально къ апостольскому престолу. И не безъ причины всегда признавалось за римскою церковію главенство (*principatus*). Тогда какъ всѣ другія церкви, ведущія свое начало отъ апостоловъ, отпали отъ вѣры, только одна она, мать всѣхъ церквей, по благодати всемогущаго Бога, никогда не сблалась со стези апостольской; не подчинилась еретическимъ новшествамъ, а всегда неизмѣнно пребывала въ той вѣрѣ, которую получила отъ апостоловъ. Съ того самаго момента, какъ Христосъ вознесся на небо, по дѣламъ вѣры всегда всѣ обращались къ апостольской, т. е. римской церкви, потому что вѣра въ ней—они увѣрены были—не можетъ потерпѣть ущерба, непогрѣшимость—ея прерогатива. Впрочемъ, не должно думать, что, когда обращаются въ Римъ по важнымъ дѣламъ, одинъ папа ихъ обсуждаетъ: онъ пользуется совѣтами находящихся подлѣ него ученѣйшихъ людей всего міра. Поэтому не должно слушать тѣхъ, которые говорятъ, что они согласны повиноваться папѣ римскому, но не хотятъ повиноваться Павлу или Юлію, и которые себя присвоиваютъ право

сужденія о томъ, когда папа Юлій рѣшаетъ, какъ папа, а когда, какъ Юлій. Если бы допустить эту уловку, то пришлось бы съ корнемъ уничтожить всякое повиновеніе (гл. 28, стр. 46—49).

Будучи не въ силахъ испровергнуть самый принципъ папства, противники его стараются всевозможными клеветами возбудить во всѣхъ ненависть и презрѣніе къ викарію Христову и преемнику Петрову. Если изъ книгъ протестантовъ выкинуть всѣ ихъ клеветы, злословія, брань на папу, то останутся почти однѣ пустыя страницы. У нихъ тотъ — ревнитель Евангелія, кто бранить римскаго первосвященника. Допустимъ, продолжаетъ „исповѣданіе“, что когда-либо папа уклонился или уклоняется съ пути честной, строго-правственной жизни. Развѣ это — достаточная причина для того, чтобы отречься отъ содержимой и проповѣдуемой папою вѣры въ Христа? Если папа проповѣдуетъ истинное ученіе, что мнѣ за дѣло до его жизни, да и кто я такой, чтобы мнѣ судить сидящаго на Петровой каедрѣ. Богъ — судья папъ: Ему онъ дастъ отчетъ и въ своей жизни, и во вѣренномъ ему первосвященничествѣ. Духъ, идѣже хочетъ, дышетъ и иногда возводитъ на каедру Петрову людей, не отличающихся чистотою и святостію своей жизни. Но въ томъ преимущество римской каедры, что на ней никогда не сидѣлъ ни донатистъ, ни пелагіанистъ, ни лютеранинъ, ни иной какой-либо еретикъ. Лучшимъ примѣромъ этого служить папа Вигилій, неправеднымъ путемъ взошедшій на папскій престолъ и однако же оказавшійся на престолѣ вполне достойнымъ его, благочестиво отвергшій то, что нечестиво раньше самъ общалъ. Какіе бы грѣшники ни сидѣли на римской каедрѣ, вѣра Петрова никогда не изсякала и не изсякнетъ на ней. Въ этомъ смыслѣ римскіе первосвященники совершенно справедливо называются святѣйшими. Что же касается самыхъ обвиненій, взводимыхъ на папъ за частную жизнь ихъ, то многія изъ нихъ просто вымышлены сатанистами. Въ заключеніе „исповѣданіе“ совѣтуетъ читателямъ слѣдовать примѣру синовей Ноя, прикрывавшихъ наготу своего отца, а не Хама нечестиваго.

Въ заключеніе авторъ опять возвращается къ первому при-

знаку истинной церкви — *святости*. Церковь есть общество, или союзъ святыхъ, т. е. вѣрующихъ; она есть единое тѣло, состоящее изъ многихъ членовъ и имѣющее главою своею Христа. Какъ въ тѣлѣ каждый членъ имѣетъ свое особое назначеніе и исполненіе имъ этого назначенія производитъ общую пользу всего тѣла, такъ и между членами церкви существуетъ нѣкоторое общеніе (*communio*) добрыхъ дѣлъ, и не только дѣлъ, совершенныхъ Христомъ, но и дѣлъ всѣхъ благочестивыхъ людей, когда-либо существовавшихъ или теперь существующихъ въ мірѣ: принадлежа къ церкви, мы по этому самому становимся участниками всѣхъ духовныхъ благъ, которыя когда-либо были и теперь есть въ церкви. Не только живущихъ съ нами на землѣ, но и торжествующихъ со Христомъ на небѣ и молитвы намъ споспѣшествуютъ, и заслуги усвояются (*suffragantur*). Но заслуги святыхъ имѣютъ значеніе въ силу заслугъ Христа; Онъ, святой святыхъ, сообщаетъ всѣмъ свои заслуги, особенно заслуги страданія и смерти. Это общеніе со Христомъ совершается въ таинствахъ. Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ всѣ, содѣлавшіеся участниками заслугъ Христа, пользуются общими таинствами и чрезъ это становятся единымъ тѣломъ съ своею главою, и гдѣ кромѣ того существуетъ общеніе всѣхъ добрыхъ дѣлъ живущихъ и скончавшихся членовъ, тамъ по истинѣ союзъ, или общеніе святыхъ. Сказавши еще о томъ, что внѣ этого общенія святыхъ находятся язычники, еретики, раскольники, отлученные на время отъ церкви, составитель переходитъ къ таинствамъ, какъ средствамъ нашего освященія (гл. 30—31).

П. Жуковичъ.

(Продолженіе будетъ).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки